

18+

Теса Владас
Земля слёз

Повесть

Теса Владас

Земля слёз. Повесть

<https://litres.ru/73873676>

ISBN 9785006988903

Аннотация

Описанные в книге реальные события произошли в Литве в июле 1946 года. В центре повествования — история крестьянской семьи Бальчунасов. То были времена, когда в лесах скрывались люди с оружием в руках. Кто-то называл их партизанами и борцами за независимость страны, а для ого-то они были просто бандиты. Эта повесть посвящена памяти всех невинных жертв того страшного и трагического времени.

Содержание

Владас Теса	5
Земля слёз	5
Земля слёз	6
Глава 1. Знакомство с семьёй Бальчунасов	6
Глава 2. Рассвет в лесу	13
Глава 3. Лагерь	19
Глава 4. Партизаны	31
Глава 5. Седой	38
Глава 6. Юозас	41
Глава 7. Антанас и Паулюс	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Земля слёз

Повесть

Теса Владас

© Теса Владас, 2026

ISBN 978-5-0069-8890-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владас Теса

Земля слёз

Земля слёз

Во время партизанского сопротивления 1944—1953 годов в Литве было убито 2619 мирных жителей.

«Lietuvos istorijos atlasas» («Исторический атлас Литвы»), 2001

Глава 1. Знакомство с семьёй Бальчунасов

Что может быть умильней и радостнее сердцу человека, как не дети, мирно спящие в своих постелях свежим, ещё не измождённым духотой июньским утром под не умолкающие трели ранних птиц и ласковый шелест шумящих на ветру бесконечных полей зеленоватой ржи за окном? В такой миг кажется, что горя и смерти не существует вовсе, а жизнь создана лишь для безгранично трогательного, нежного наслаждения ею.

Альбина, бойкая хуторская девчонка с длинными растрёпанными волосами, сидела на кровати и, сладко зевая, потирала заспанные глаза. Взяв с подоконника небольшое зеркальце, подарок матери на день рождения, она, внимательно вглядываясь в отражение, стала причесываться, ещё не осо-

знаявая того, что, словно по волшебству, из нескладного тощего ребенка превращается в красивую девушку с приветливой, слегка наивной улыбкой и задорным взглядом.

Помещение, в котором находилась девочка, скорее напоминало комнату в детском саду, чем в крестьянском доме. И тут, и там по полу были разбросаны незамысловатые игрушки, а вдоль темных бревенчатых стен, стояли самодельные кровати, на которых, тихо посапывая, безмятежно спали ребятишки разных возрастов, младшему из которых только-только исполнилось два года. Четырнадцатилетняя Альбина была седьмой и старшей из них.

Все эти дети были сыновьями и дочерьми местного хуторянина Витаса Бальчунаса и жены его Морты. Их семейства с незапамятных времён обосновались в здешних краях, недалеко от крошечного, почти затерянного меж густых лесов, городка Казлу Руда, самой известной достопримечательностью которого было почерневшее от копоти деревянное здание железнодорожной станции, да примыкающая к нему неказистая базарная площадь с расположившимися здесь же двумя бакалейными лавками, цирюльней и пивной, — отрадой местных пьяниц и любителей драк.

Витас, недавно разменявший сорок пятый год, был невысоким, но крепким мужчиной, с вечно угрюмым выражением лица, какое и в наши дни присуще литовским крестьянам, что целыми веками, поколение за поколением, живут в забытых Богом деревеньках и на отдаленных от городских

соблазнов хуторах.

Война каким-то чудом почти никак не отразилась на жизни Бальчунасов. Но, хотя с её окончания прошло уже более года, мнительный Витас был не в силах побороть беспокойство в душе, и постоянно ожидал от происходящих в стране перемен чего-то страшного и совершенно ему непонятного.

Он помнил как в 1940 году, незадолго до вторжения немецкой армии, было объявлено, что власть в Литве теперь советская, и каждый крестьянин под страхом ссылки обязан явиться в городской штаб и сообщить, сколько у него земли и скота. Ходили упорные слухи, что «красные» будут отбирать у людей имущество, а из деревень и хуторов создавать колхозы. Тогда несколько знакомых Витаса, таких же земледельцев, как и он, были арестованы, а одного со всей семьёй сослали в Сибирь. Разумеется, такие действия русских не снискали поддержки большей части горожан. Случалось, что некоторые из них выражали недовольство и даже пытались организовывать митинги против «красного» режима. Но после показательного расстрела трёх «литовских вредителей и провокаторов», как выразился молодой комиссар, прилюдно приведший приговор в исполнение на привокзальной площади, большинство местных граждан предпочло в дальнейшем не высказывать свои «неправильные» мысли вслух.

Витас часто вспоминал жаркий июньский полдень 1941 года, когда на городском базаре к нему подошёл красноармеец, проверил документы и, заставив расписаться в какой-то

тетради, потребовал через неделю явиться в штаб с полной описью имущества. Напуганный, почти не умеющий писать крестьянин, с женой, ещё менее грамотной чем он сам, и учительницей, живущей на соседнем хуторе, два дня составлял список, то и дело с досадой повторяя: «А что, это тоже нужно вносить? А если конфискуют?», или что-то вроде: «А может, этого не записывать? Зачем им такое старье?».

В памяти сохранилось и то прохладное утро, когда он, Витас, неспешно затянувшись самокруткой, аккуратно сложил полностью исписанный с обеих сторон лист вдвое и стал собираться в город, мрачно бормоча себе под нос:

— Что за люди! Праздник Йонинес отменили, списки какие-то требуют... И попробуй, не приди, сразу тебя в арестантскую. А эти, смотри-ка, разлетались! И откуда столько самолётов? Вчера гудели, да грохотали, сегодня опять шумят! Вторую ночь спать не дают!

По пути в штаб, на узкой лесной тропинке мужчина столкнулся с бежавшим навстречу запыхавшимся счетоводом из соседней деревни. Поравнявшись с Витасом, он, едва переводя дух, смахнул ладонью пот со лба, и с отчаянием крикнул:

— Разворачивай! Нет больше твоего штаба! Немцы там теперь! Война!

Это было утро 25 июня.

Тогда, пять лет назад, война помешала коммунистам осуществить свои планы в Литве. Но сейчас, после победы, все

свои прерванные задумки они начали выполнять с удвоенной силой. Вооруженные чужие люди с красными повязками на рукавах, по-хозяйски ведущие себя в городе, яркие, малопонятные плакаты и лозунги на русском языке, развешанные на каждой стене, перешёптывание обычно шумно галдящих привокзальных торговков, и какое-то всеобщее напряжение, буквально парившее в воздухе, рисовали в уме Витаса ужасные картины. Молчаливый от природы, он стал ещё более замкнутым, опасаясь нового вторжения старого врага в его давно уже устоявшуюся жизнь.

Жена Витаса, Морта, была обыкновенной деревенской женщиной, не слишком умной, но работающей и заботливой, с приятной полнотой тела и добрыми голубыми глазами. Она была на семь лет младше мужа и относилась к нему скорее с почтением, чем с любовью. Морта совершенно не интересовалась войной и политикой. Весь её мир составляли дети, домашние хлопоты, да небольшой базар в Казлу Руде, за прилавками которого с незапамятных времен вели торг все окружные деревни и хутора.

Основным занятием Морты было рожать. Муж часто ворчал за столом:

— Что ей, бабе? Знай, ходи с брюхом, да кашу вари. А тут попробуй-ка, прокорми такую ораву!

— А ты, муженёк, как выпьешь самогону на праздники, шёл бы себе в коровник спать, а не ко мне под одеяло лез, глядишь, и ртов у нас было бы меньше, — незлобиво, с доб-

родушной улыбкой, парировала Морта.

Витас, не найдя, что возразить, раздражённо отталкивал от себя тарелку с ужином, и, что-то бормоча под нос, быстрым шагом выходил из комнаты.

Хозяйство Бальчунасов было пусть и не богатым, но справным. Несколько крепких молодых лошадей, небольшое стадо жирных коров с лоснящимися боками, добрый десяток сытых коз, примерно столько же откормленных свиней, да птичник, полный галдящих кур и гусей, чьи яйца хозяйка каждое воскресенье продавала в городе. Был тут и сад с прекрасными яблонями и грушами, что сажал ещё прадед Витаса. Был даже размером с базарную площадь пруд, в котором в жаркий день любили плескаться дети. Между добротным сараем и амбаром красовалась новая баня, а за хутором начинались поля, засеянные картофелем и невероятно высокой, ростом со взрослого человека, рожью, а довершала эту картину небольшая ветряная мельница, каким-то необъяснимым образом сконструированная малограмотным хозяином без единого чертежа.

По счастливой случайности, хутор Витаса Баальчунаса был окружён почти непроходимыми лесами и болотами, и стоял в стороне от дороги, соединяющей несколько деревень с Казлу Рудой. Это и спасало Бальчунасов от нежелательного знакомства с советскими, а позже и с немецкими солдатами. По видимому, и те, и другие просто не замечали хутора, или не придавали значения старому, окружённому полем дому,

одинокو стоящему где-то в рядом с лесными дебрями.

Альбина помнила, как она, совсем ещё маленькой девочкой, вечерами выбегала во двор, и в пронзающей тишине зимнего леса слушала, как где-то вдали, лязгая железными гусеницами, едут танки, или надрывно воют грузовики, пытаясь пробиться по заснеженной дороге. Никто в доме не знал, чьи это были машины, но в такие непонятные её детскому уму мгновения, отец сразу бросался тушить свет, загонял всю семью и даже собак со двора в дальние комнаты, а сам, испуганно сжавшись в комок, сидел у окна, напряжённо вглядываясь в темноту, и изредка покрикивая на скулящих псов или заплакавшего ребенка. Лишь когда шум в лесу стихал, Витас дрожащими руками зажигал свечу у большой иконы Богоматери с младенцем и шёпотом молился. Наверное, Бог слышал эти молитвы, — за всё время войны ни один русский или немецкий солдат не появился на хуторе Бальчунасов.

Глава 2. Рассвет в лесу

В то раннее июньское утро Альбина проснулась, ощущая детскую радость в душе. Накануне отец пообещал отправить её осенью в школу, в Казлу Руде, что в добрых десяти километрах от дома. Грезившая учёбой ещё во время войны девочка каждый день представляла себя самой прилежной ученицей класса, сидящей рядом с другими ребятами за большой, пахнущей лаком новенькой партой, и с налету схватывающей каждое слово учителя. Витас тоже был доволен. Сам он был малограмотен и из всех наук сумел освоить лишь одну простейшую математику, да и то, благодаря необходимости считать мешки с картошкой. Мурта же из грамматики твердо осилила только написание своего имени. Тем не менее, оба понимали, что старшей дочери, да и другим детям, необходимо учиться. Война помешала сделать это раньше, и девочка занималась дома сама, старательно читая по слогам книги, привезенные родителями с городской ярмарки.

В комнату заглянул брат Альбины Бронюс — коренастый, перенявший от отца мрачный взгляд и не по годам сильный двенадцатилетний мальчишка с рыжими, вечно торчащими в разные стороны, волосами, которые мать тщетно пыталась причёсывать каждое утро. Бронюс проснулся сразу после сестры, и, пока та любовалась на себя в зеркало, натаскал воды из колодца, и выгнал скот на пастбище. Теперь, не зная

чем себя занять, он слонялся по дому, неспешно жуя горбушку чёрного хлеба. Мальчик немного завидовал Альбине из-за решения родителей отправить её в городскую школу. Ему самому отец не позволил поступить в этом году, объяснив свой выбор просто:

— Я сначала погляжу, чему новая власть дочь научит, а там, может, и насчёт твоей учёбы подумаем.

— Не спишь? — строго спросил Бронюс сестру, хотя прекрасно знал, что та уже полчаса как проснулась.

— Тише ты! — зашипела Альбина, — Малышей разбудишь!

— Да ладно, пускай привыкают рано вставать, — надулся брат, — С чего я один коров гонять должен? Ты-то скоро в школу пойдёшь, мать и твою домашнюю работу на меня взвалит.

— А ты не завидуй, Бог накажет! Давай-ка лучше в лес за ягодами сбегает, пока все спят. Погляди, светло уже как.

— Надо бы у родителей спросить. Сама знаешь, отец мне велел замок в комнате заменить. Старый-то совсем развалился, пальцем можно открыть.

— Никуда твой замок не денется! Наберем лукошко, и домой. Посмотри на часы, я же тебя учила, как определять время. Сейчас у нас пять утра и двадцать четыре минуты. Значит почти половина шестого. К семи как раз успеем вернуться. Я тогда и матери помогу по дому, и малышкой покормлю.

Бронюс с сомнением взглянул на большие настенные часы

с кукушкой:

— За два с половиной часа точно не управимся.

— Считать научись, учёный, — хихикнула Альбина, — Не за два с половиной, а за полтора. А если будешь раздумывать, не управимся и за целый день. Решай, ты идёшь, или остаёшься возиться с замком?

Долго уговаривать Бронюса не пришлось. Он и сам был не прочь полакомиться сладкой черникой, тем более, что часть своих домашних обязанностей он уже выполнил.

Дети, стараясь никого не разбудить, осторожно переступили высокий порог, зябко поёживаясь от утренней прохлады. Поле накрыло густым молочным туманом, но погода обещала быть ясной и жаркой. Добродушно помахивая хвостами, из будок показались две крупные дворняги. Сообразив, что сейчас с ними играть не будут, собаки вернулись в будки досыпать. В свинарнике зашевелились проснувшиеся хавроньи, заблеяли козлята, а за сараем, у большой, заросшей камышом лужи, загалдели гуси. Начинался новый, полный крестьянских забот, день.

В комнате родителей скрипнули половицы. Бронюс замешкался. Он, как старший сын, лучше всех других детей в семье знал, каким скорым на расправу за непослушание был отец. Подзатыльники считались делом привычным, но иногда, сильно осерчав, Витас отводил парнишку в сарай, и, положив животом на деревянную скамью, мерно отсчитывал кожаным ремнем удары по многострадальной пятой точке,

пока та не превращалась из бледной в бордовую.

От этих невеселых мыслей Бронюса отвлекла сестра.

— Чего встал, как вкопанный? — быстро зашептала она, — Бери лукошко за дверью и бежим! Или родителей испугался?

— Никого я не испугался, — нахмурившись, зашептал в ответ мальчик, — Да только отец тебя поругает и в комнате запрет, вот и всё наказание. А меня из-за проклятого замка опять за вихры в сарай потащит.

— Тогда я одна, раз ты такой трус, — насмешливо пропела Альбина.

Такого оскорбления молодой Бальчунас стерпеть не мог.

— Я — трус?! — шепотом, переходящим в голос, возмутился он, — А ну, давай, кто первый до болота!

— Куда?! До болота?! Ты что, с ума?..

Девочка не успела договорить. Схватив лукошко, Бронюс, не оглядываясь на сестру, что есть мочи побежал через сад в сторону леса. Альбина, не ожидавшая от брата такой прыти, решила ни в коем случае не дать ему победить, и уже через пару мгновений изо всех сил мчалась вслед за ним, под возмущенный лай собак. Мокрая от росы трава в считанные секунды намочила сандалии, надетые на босу ногу, а от утреннего полусонного состояния не осталось и следа. Сквозь шум ветра в ушах девочка различила повелительный крик матери, но даже не подумала остановиться.

Морта, недовольно покачивая головой, несколько минут

наблюдала в дверях, как пробежав с полкилометра по туманному полю, дети скрылись в густой чаще, потом с досадой махнула рукой, и вернулась в дом готовить малышам и мужу завтрак.

Альбина догнала брата почти сразу, когда тот, не заметив гнилого пенька, споткнулся и упал, растянувшись на земле всем телом. Взрыв смеха, нарушивший утреннюю идиллию леса, заставил замолчать даже птиц.

— Ну, ты даёшь! — давясь от хохота, еле выдавила из себя девочка, глядя на потирающего ушибленное колено, Бронюса. — Видел бы ты себя со стороны! Вылитый акробат в цирке!

— Да если б не этот проклятый пень, ты так бы и тащилась позади, — угрюмо пропыхтел брат, поднимаясь, — Идём уж, хватит ржать, как лошадь. Сколько можно? И почему свою корзинку не взяла? Как будешь ягоды собирать?

— Не успела! За тобой спешила, представление посмотреть, — всё никак не могла успокоиться Альбина.

— Ладно, смейся, сколько хочешь, мне даже больно не было, — стряхивая со штанов пыль, насупился Бронюс.

Нахохотавшись вдоволь, девочка взяла у брата лукошко, и ребята продолжили путь. До болота оставалось километра три, или чуть больше. Находилось оно в самой глубине леса, и лишь крестьяне из немногочисленных окружных деревень и хуторов знали о его существовании. Редко кто из местных жителей ходил туда за черникой, хоть ягода там росла слад-

кая и крупная, размером чуть ли не с вишню. То ли расстояние и труднодоступность делали своё дело, то ли необъяснимый инстинктивный, древний страх перед мрачными топями заставлял вспомнить страшные бабушкины сказки и немедленно повернуть назад.

Альбина с Бронюсом, охваченные непреодолимым детским желанием увидеть лешего, о котором часто рассказывала мать, уже не раз бывали здесь. Лешего они так и не нашли, зато, среди топких мест, обнаружили сухие островки, на которых росли целые полчища прекрасной сочной черники.

Вскоре земля под ногами стала влажной и задышала, словно живая. Птиц здесь почти не было слышно, а тёмные кусты и запах гнилых деревьев делали эти места похожими на антураж страшной сказки. Стараясь подбодрить себя, Альбина, мурлыча под нос незамысловатый мотив детской песенки, торопливо принялась за дело, в глубине души мечтая набрать черники больше чем брат. Она тайком поглядывала на лукошко Бронюса, которое, как назло, наполнялось быстрее её подола. Мальчик же будто не замечал ничего вокруг, и молча собирал ягоды, не обращая внимания на сестру. Его новые ботинки, подарок на Пасху, покрылись болотной грязью, а на лбу выступили капельки пота. Альбина отвернулась от брата и, перестав напевать, сосредоточилась на чернике. Ребята уходили всё дальше в лес.

Глава 3. Лагерь

— Эй, вы кто такие?! А ну, стоять! — словно из ниоткуда раздался громкий окрик.

Альбина от неожиданности отпустила подол, и ягоды фиолетовыми бусинками разлетелись по траве. Бронюс встал, как вкопанный, крепко сжимая в руке лукошко.

Кто это кричит? Неужто, леший?! Где-то за деревьями заглохло болото, — кто-то шёл к ребятам. Испуганные брат и сестра напряженно вглядывались в лесной полумрак. Вдруг прямо перед ними, словно из-под земли, возник парень лет шестнадцати. На парне была серая гимназическая форма, а на голове его красовалась старая, и явно великоватая паренюку военная фуражка. В руке парень сжимал толстую палку. У Альбины отлегло от сердца.

— По крайней мере, не леший! — подумала она.

Незнакомец с подозрением взглянул на детей и усмехнулся. Перекидывая палку из руки в руку, он медленно обошел замершего Бронюса, и приблизился к Альбине.

— Кто из вас старший, и какова причина нахождения в лесу? — строго пробасил парень. Ребята молчали, потупившись.

— Я задал вопрос, отвечайте! — рявкнул «гимназист».

Бронюс тяжело засопел, собираясь заплакать.

— Мы вот... — пробормотала Альбина, — Ягоды соби-

раем...

— Интересно. Ягоды значит. На болоте. Умнее ничего не придумали?

— Они тут слаще...

— Слаще! — передразнил девочку парень, — Как-то подозрительно всё это. Двое ребятешек рано утром, в глубине дремучего леса... Странно.

Он на мгновение задумался, и внимательно посмотрел на детей:

— Вот как мы поступим. Сейчас вы пойдете со мной, а там разберемся, кто тут ходил по ягоды, а кто по грибы.

Глаза Бронюса заблестели. Он стоял красный, как помидор, и изо всех сил старался не разреветься.

— Мальчик, — дрожащим голосом произнесла Альбина, — Отпусти нас домой. Пожалуйста...

— Мальчик?! Какой я тебе мальчик?! Да я в отряде!.. — незнакомец вдруг осекся и неловко кашлянул, — А ну, пошли вперед! И чтоб не переговаривались!

Размазывая по щекам слезы, Альбина с Бронюсом молча подчинились. Они не понимали, что это за парень, как он оказался на болотах, и куда их ведет. Понимали дети лишь то, что он старше и сильнее их, да и палка в его руках не утешала. Шли молча. Пройдя со своим конвоиром с полкилометра по лесу, ребята оказались на залитой солнцем поляне. Альбине уже приходилось бывать здесь, но то, что она увидела теперь, поразило её.

Вся опушка была заставлена палатками и шалашами. И тут, и там сновали люди, в основном разновозрастные мужчины, и каждый занимался своим делом: несколько парней, обливаясь потом, волокли из леса срубленную сосну, другие занимались разделыванием крупной свиньи, третьи кололи дрова. Девушки развешивали постиранное белье на натянутой между осинами верёвке, а две женщины постарше колдовали над кипящим котлом, возле которого возвышалась гора картошки.

Бронюс, забыв о страхе, с любопытством наблюдал, как с десятков здешних обитателей возятся у широких и довольно глубоких ям, или, скорее, укрытий, стены и пол которых мужчины укрепляли кольями, выточенными из стволов тонких елей. Поверхность готовых сооружений накрывали настилом из брёвен потолще, а на них раскладывали широкие, словно ковры, куски выцветшего брезента. Хмурый молодой человек аккуратно сыпал на них землю и раскладывал еловые ветки, — после этого укрытия становились незаметными даже вблизи. Бронюс сразу сообразил, что за непонятные ямы роют мужчины, и шепнул сестре:

— Это же подземные домики, чтобы прятаться!

Альбина заметила, что люди вокруг, в большинстве своем, были скорее городские, чем деревенские. Среди этого человеческого муравейника мелькали рабочие робы, студенческие пиджаки, куртки служащих и другие части гардероба, по которым несложно было определить сословие и профес-

сию людей. Особое внимание девочка обратила на группку парней, сидевших за длинным, сколоченным на скорую руку, деревянным столом, и о чём-то горячо споривших. На парнях была выцветшая, бледно-зелёная военная форма с погонами.

— Ну, чего встали, как столбы?! — прикрикнул на детей юный конвоир. — Давай вперед! И поживей шевелитесь!

Альбина с Бронюсом, робея, проследовали к столу. Заметив ребят, военные прекратили спорить, и удивлённо уставились на них.

— А это у нас ещё кто? — улыбнувшись, спросил один из молодых людей. Но, тут же приняв грозное выражение лица, посмотрел на парня с палкой.

— Кястас, тебе же было приказано незаметно наблюдать за всем подозрительным в лесу, и в случае тревоги сразу бежать в лагерь, а он ягоды с малышнёй собирает. Вон, полное лукошко на троих набрали. Так-то ты подчиняешься приказам командира? Настоящий солдат, нечего сказать! Придется вернуть тебя к матери в Мариямполе, чтоб ты со своей дубинкой соседский сортир охранял.

Парни за столом громко расхохотались. Даже Альбина с Бронюсом оценили юмор и захихикали. Дети поняли, что эти люди не причинят им вреда. Веселый молодой человек сразу понравился Альбине. Этого высокого, сероглазого брюнета трудно было назвать писанным красавцем, но его военная выправка, белые ровные зубы, заразительный смех и

какая-то особая внутренняя привлекательность, не оставили бы равнодушной даже самую спесивую девушку. Звали молодого человека Юозас.

— Тамста (уважительное обращение к кому-либо, официально используемое в литовской армии. — прим. авт.), разрешите доложить, — обижено поджав губы, невнятно пробормотал Кястас, — Эти малявки крутились недалеко от лагеря, вот я и решил их задержать и привести для допроса сюда. Так что, ваше приказание выполнено.

Опять раздался взрыв смеха:

— Так ты, парень, у нас теперь герой!

— Хорошо, что не встретил ежа, а то бы и его допросил!

— Знали бы русские, какой у нас тут боец, сдались бы в плен без боя!

— Да вы что, ребята, не видите? Это он себе невесту подбирает! А заодно и дружка её прихватил, чтоб не скучно было!

Кястас чуть не плакал от обиды. Альбине даже стало жаль его.

Неожиданно смех оборвался. К столу подошёл высокий, худощавый человек в чёрной военной форме. На вид мужчине было не более пятидесяти лет, но его делали старше седая голова и усеянное глубокими морщинами сухое, тщательно выбритое лицо, украшенное несколькими застарелыми шрамами. Бледно-голубые глаза мужчины казались ледяными. Альбина сразу почувствовала на себе тяжесть этого взгляда,

в котором почти физически ощущались сила и жёсткость характера.

— Ржёте, словно кони в поле, — недовольно произнес мужчина. — Мёртвого разбудите! А что, если русские рядом? Может и они захотели бы повеселиться, — особенно, глядя на наши трупы? Думаете, если мы не в казарме, то можно дурака валять? Я не требую от вас официальных обращений друг к другу. Тут болото, а не воинская часть, да и публика у нас в основном гражданская, капитана от рядового в жизни не отличит, так что, к чёрту формальности. Но дисциплина и подчинение командиру должны быть железные. Учитывая сложнейшую обстановку, извольте беспрекословно выполнять все указания, даже те, которые могут показаться вам незначительными.

Парни в военной форме молчали, опутив головы, словно провинившиеся дети. Заметив неладное, со всей опушки к столу стали подтягиваться люди, бросив свои дела. Лишь один невысокий, щуплый парень, лет двадцати пяти, с жиденькой рыжеватой бородкой и тёмными сальными волосами до плеч, продолжал колоть дрова, даже не повернувшись в сторону происходящего. Одет он был в светлую крестьянскую рубаху, зелёные галифе и до блеска начищенные солдатские сапоги. Иногда молодой человек опускал топор и, смахнув со лба пот, поправлял на бледном, болезненном лице круглые очки в тонкой оправе.

— Это кто? — все так же строго спросил Седой, кивнув

в сторону Альбины с Бронюсом, и после небольшой паузы добавил, — Ну-ка, ребяташки, идите, погуляйте. У нас тут взрослый разговор намечается.

— В лесу я их встретил... — всхлипнув на всякий случай, пробормотал Кястас, когда дети отошли, — Болтались они рядом с лагерем...

— И ты решил им тут всё показать, мол, резвитесь у нас, малышня? — со злобной иронией спросил мужчина. — Может, ещё и о наших планах рассказал? Неужели ты не видел, что это просто крестьянские дети?

— Я подумал, возможно они...

— Дурак! — грубо перебил Кястаса Седой, — Тебе приказали следить за обстановкой, а не волочь из леса каждого встречного. Всё в разведчика играешь? Нашёл время. Сколько раз повторять — партизанская война, это не книжка про индейцев. Тебе же известно, что даже свои с близлежащих хуторов не должны знать, где мы расположились. И может, кто-то подскажет, что нам теперь делать с этими детьми?

Все неловко молчали, поглядывая друг на друга.

— Давайте отпустим их, тамста, — нетвёрдо произнес Юозас, не глядя на Седого. — Чего им тут сидеть?

— Отпустим?! — Седой сверкнул ледяными глазами. — Это ты хорошо придумал, солдат. И уже завтра все деревни вокруг будут знать, что под самым их боком, в лесу, остановились партизаны! А если ты забыл, я напомню — далеко не каждый крестьянский двор относится к нам как к добрым

друзьям! И кто знает, через сколько часов здесь окажутся русские солдаты с автоматами?

Седой с досадой сплюнул и задумчиво обвел глазами отряд.

— Значит так, — наконец обратился он к двум молодым женщинам в одинаковых серых платьях из грубой материи, — Детей накормить, а мы, военные, пока посовещаемся. Остальным вернуться к работе, здесь больше смотреть не на что. Надо же, из ничего устроили головную боль!..

Альбина с Бронюсом молча последовали за девушками, которые усадили их на большой пень возле складного столика, и поставили перед детьми деревянные миски с дымящейся картошкой. Но есть ребятам совершенно не хотелось. Переглянувшись, они начали лениво жевать, осматриваясь вокруг. Видимо, здесь это было время завтрака. Люди, отложив дела, расположились за неказистыми деревянными столами под тенью старого дуба. Лишь на краю опушки, у ручья, женщина в рабочем комбинезоне старательно отмывала от сажи огромную закоптелую кастрюлю, да пожилой мужчина рядом с ней не торопясь чистил разобранный автомат, внимательно осматривая каждую деталь.

У самой дальней палатки Седой и несколько молодых военных о чём-то жарко спорили. Иногда ветер доносил до ребят обрывки фраз, — военные говорили о нехватке провизии в лагере. Альбина отодвинула миску, и Бронюс, глядя на сестру, сделал то же самое.

— Я не хочу есть, — шепнул он Альбине.

— А я, думаешь, хочу? Даже если бы хотела, у них тут и без нас не хватает картошки.

— А кто они? Солдаты?

— Да я и сама толком не пойму. Одни, вроде, солдаты. Другие похожи на чиновников из города. Крестьян тоже много. Но бояться нам с тобой их не надо. Помнишь, когда к отцу приезжал дядя Пранас из Каунаса, он говорил, что в наших лесах прячутся партизаны, которые хотят свободы для Литвы? Так вот, я думаю, это они и есть.

— А сейчас Литва не свободна?

— Откуда мне знать?! — отмахнулась Альбина. — Спросил бы дядю Пранаса. Отец ещё говорил, что для него главное, чтобы мы были сыты и в тепле, а остальное его не касается. Дядя Пранас из-за этого с ним даже поругался, мол, наш отец лишь о своем брюхе думает и ему плевать, что под врагами будем жить. Сказал, что какие-то друзья из Америки нам помогут. Я сама всего не помню, ведь это на Рождество было.

— А как выглядят люди из Америки? Они здесь есть?

— О Боже, какой ты глупый, Бронюс! Откуда им здесь взяться? Они же все индейцы и перья на головах носят. У нас дома даже картинка есть, я её из журнала вырезала. На ней снизу написано «Жители Америки»!

— Да не видел я твою картинку... Значит эти люди вокруг свои, литовцы. Но почему они так засуетились из-за нас? И

почему этот дурак с палкой привел нас сюда? И почему Седой так рассердился? И почему?..

— Тссс! Замолчи, почемучка! К нам идут...

К ребятам подошёл Юозас — тот самый молодой военный, который недавно подшучивал над Кястасом у стола. По его глазам было видно, что шутить он больше не собирался. Как-то странно посмотрев на детей, Юозас спросил их имена, несколько мгновений молча переводил взгляд с брата на сестру.

— Значит так, Альбина и Бронюс, — наконец, произнёс он, — Где вы живёте, и кто ваши родители? Альбина, ты вроде старшая, ты и отвечай.

— Живём мы на хуторе, недалеко от Казлу Руды, — победно взглянув на стушевавшегося брата, ответила девочка, — Родители крестьяне. Отец Витас Бальчунас...

— Бальчунас? — переспросил Юозас, — Нет, вроде не знаю такого. А в школу вы ходите?

— Бронюс пока не ходит, а меня отправят в этом году, в сентябре. Раньше не получалось. Из-за войны все школы вокруг закрыли, да и матери помочь было некому, одни малыши в доме. Но читать и писать я уже умею. Даже считать могу. Отец часто привозит из города книги с тетрадками, и соседка заходит нас поучить. Она до войны учительницей работала.

— А хозяйство у вас большое? Да и вообще, кто из взрослых есть в семье? Есть ли в доме оружие? Где ближайшая от

вас деревня?

— Из взрослых только родители, зато детей целых семь. Мы с Бронюсом самые старшие. А хозяйство у нас обыкновенное. Иногда отец нанимает работников, но сейчас мы сами помогаем ему в поле. Есть лошади, коровы, свиньи, разная птица. Из оружия я видела только два ружья в комнате, на стене висят. Мать рассказывала, когда дедушка был жив, он с ними на охоту ходил, а после его смерти отец ружьями почти не пользуется, разве что изредка лис с волками попугать, если близко к дому подберутся. Ближайший соседский хутор находится за лесом, километрах в двух от нашего дома. Там учительница и живёт. К нам вообще мало кто заглядывает. Пару раз в год дядя Пранас на праздники из Каунаса приедет, да соседка иногда заскочит узнать об урожае, и нас грамматике поучить. А больше никто не ходит. Место, говорят, неудобное, всё лесами окружено. Ещё прошлой зимой...

— Понятно, — перебил Юозас, — Значит, чужих на хуторе нет. Это хорошо. В общем, так, ребята. Сейчас мы с несколькими друзьями проводим вас до дома. Здесь вам делать нечего.

— Спасибо большое! — обрадовалась Альбина, — Но мы знаем дорогу и можем добраться сами. Вам с друзьями незачем утруждаться...

— Нет уж, милые мои, — улыбнулся Юозас, — Одних по болотам топтать мы вас не отпустим. Тем более, с вашим отцом хотелось бы поговорить. Сейчас парни соберутся, и

вперёд!

— Дядя, а о чем вам говорить с нашим отцом? — неожиданно спросил Бронюс, — Вы же его даже не знаете.

— Понимаешь, малец, очень захотелось познакомиться с мужчиной, который воспитал такого смелого сына, — подмигнул мальчику молодой человек, — Уверен, что это знакомство не пройдет для нас обоих даром.

— Ну, тогда идите, — тоном начальника разрешил Бронюс.

Юозас засмеялся и отошёл от ребят. Завтрак только что закончился, и большинство людей в лагере отдыхали на траве. Лишь несколько парней занимались бытовыми делами, да длинноволосый все так же с яростью, без остановки, продолжал колоть дрова, будто с помощью этого нехитрого действия пытался выплеснуть из своей души затаившуюся в ней ненависть на весь мир. Взгляд его был настолько пустым, что напугал бы и самого смелого человека. Казалось, этот похожий на попика парень всё время думает о какой-то ужасной трагедии, которая произошла с ним, и ничто, кроме крепко зажатого в руке топора, не в силах отвлечь его от страшных мыслей.

Кястас собрал со столов миски, сложил их в тележку, и повёз к ручью мыть. Проходя мимо ребят, он скривил им рожу. Бронюс насупился, а Альбина показала язык. Она уже поняла, что этот мальчик, который так напугал их в лесу, здесь выполняет мелкие поручения, и бояться его не стоит.

Глава 4. Партизаны

Альбина с Бронюсом сидели на пеньке и доедали ягоды из своего лукошка. Им, хуторским ребятам, было странно наблюдать, как растянувшись на траве, в самый разгар крестьянского трудового дня, взрослые мужчины ведут между собой неспешную беседу. Один из них, немолодой мужичок с бритой головой, весело рассказывал, как выкрал из немецкого штаба в Каунасе мотоцикл. Остальные, посмеиваясь вполголоса, подшучивали над его историей. Дети спокойно, как им казалось, могли уйти в лес, и никто бы этого не заметил. Но зачем куда-то бежать, если черника такая сладкая, а люди вокруг такие весёлые и добродушные?

Вскоре ребята увидели как из палатки на краю поляны вышел Седой с Юозасом. За ними показались ещё двое парней в военной форме, один из которых нёс небольшой чёрно-белый план местности. Проходя мимо колющего дрова длинноволосого, Седой молча мотнул головой, приглашая того следовать с ними. Молодой человек кивнул в ответ, небрежно воткнул топор в колоду, и, тяжело дыша, неторопливым шагом направился за командиром. Разложив бумаги на большом столе и немного пошептавшись над картой, все пятеро мужчин вдруг разом посмотрели на Альбину с Бронюсом, сидящих на пеньке.

— Ну-ка, иди скорее сюда, — подозвал девочку Юозас,

— Сможешь показать, где ваш дом? В плане местности, надеюсь, разберёшься?

— Конечно, разберусь! — вспыхнула подошедшая Альбина, — У меня точно такая же карта над кроватью висит, только цветная. Вот тут Казлу Руд. А тут, промеж лесов, должен быть наш хутор, но на картах его почему-то нет. А здесь небольшая деревня, на пятнадцать дворов. Она в трёх километрах от нашего дома, только от деревни той, кроме печных труб, уже ничего не осталось. Отец говорил, что её сожгли то ли немцы, то ли русские. Там жили его друзья, но их всех убили. Я маленькая тогда была, точно не помню, но когда...

— Постой! — вдруг резко перебил девочку Седой. — А можешь указать место, где мы сейчас находимся?

— Даже не знаю... — Альбина задумчиво склонилась над картой, — Так, если тут старый амбар, и сразу за ним дорога, с развилкой на Каунас... Значит, тут у нас пасека... Тут лес и болото... Ага, получается, мы находимся где-то здесь.

Девочка уверенно ткнула пальцем в бумагу. Воцарилась напряжённая тишина. Лишь на опушке чуть слышно раздался чей-то смех. Седой медленно набрал в лёгкие воздух и, выдыхая, прошёлся ледяным взглядом по парням, расположившимся за столом. Глаза командира остановились на Юозасе.

— Ну что, солдат, придется пройтись по здешним живописным местам, — медленно, почти разделяя слова на слоги, произнес Седой.

— По-моему, наши прогулки все чаще напоминают походы инквизиторов, — неуверенно пробормотал Юозас, и посмотрел на Альбину, — А ты что стоишь? Иди к брату!

— Может, ты и прав, только не забывай: у нас тут партизанский отряд, а не клуб любителей истории, — процедил командир, провожая глазами девочку, — Наша цель — истреблять врагов Литвы, а не размышлять, насколько это жестоко.

— Тамста, позвольте заметить, что истребление врагов и человеческая мясорубка — две разные вещи.

— Возможно, солдат. Предлагаешь бороться с «красными» за шахматной доской?

— Я ничего не предлагаю, но считаю, что мы слишком часто перегибаем палку. Отчего нельзя проявить к противнику или, по крайней мере, к его близким, хоть малую толику уважения? Виноват, — получи наказание. Не виновен — свободен. Казалось бы, что может быть проще? Но сколько раз мы, не задумываясь, словно бандиты, вырезали целые семьи, руководствуясь чуть ли не базарными, слухами? На войне я никогда не боялся вступать в бой с врагом, но сейчас, в мирное время, разве достойно имени литовского партизана носить клеймо мясника?

— Мирное время, говоришь? — чуть заметно усмехнулся Седой. — Ну что ж, будь по-твоему, Юозас. Сейчас мы с детьми отправимся к ним на хутор за провизией, и заодно пообщаемся с хозяевами. А раз ты считаешь, что я, как ко-

мандир, действую неправильно, в этом походе командиром побудешь ты, и мы сможем наглядно оценить твои военные таланты. Ты учился на адвоката, умеешь красиво говорить. Вот и посмотрим, пригодятся ли твои дипломатические речи, когда ты начнёшь просить у хуторян еду на добрую полсотню человек в нашем лагере. Ну, а если крестьяне вызовут подозрения в связях с врагами, сможешь поискать доказательства их преступлений, и проводить судебные расследования. Выделим тебе секретарей, подберём адвоката и прокурора, свидетелей поищем. Будете с ними заполнять протоколы и бумаги. Глядишь, через годик-другой управитесь. Ну, а если будет страшно выносить приговор, ты только шепни нашим ребятам.

Партизаны беззлобно рассмеялись над сарказмом Седого. Юозас слыл храбрым бойцом, но многие в отряде считали его мягкотелым, немного чудаковатым идеалистом.

— Тамста! — глаза молодого человека сверкнули, — Я не считаю правильным иронизировать сейчас, когда речь идёт о жизнях людей. Мне кажется, в последнее время...

— Хватит! — грубо перебил Юозаса Седой, — Мы не на дебатах в британском парламенте, так что, отложим разбирательства на более спокойные времена. А насчёт командования отрядом, — я действительно хочу, чтобы в этот раз ты был главным. Проведём эксперимент и проверим, что разумнее при наших обстоятельствах: мой здравый смысл или твой гуманизм. Все решения в походе будешь принимать ты,

но, как опытный военный, хочу тебя кое о чём предупредить. Если ты, вместо того, чтобы стрелять во врагов, начнёшь вести с ними дискуссии, они воспримут это как твою слабость, и сами попытаются уничтожить тебя, а заодно и твоих товарищей, за каждого из которых ты в ответе. Помни об этом.

Юозас, скривив губы, недовольно кивнул. Было видно, что он не согласен с командиром, но затевать спор перед самым походом было некстати.

— Итак, толпы не нужно, — сделав вид, что не заметил недовольства подчинённого, Седой посмотрел на двух парней в военной форме, — Кроме Юозаса и детей, на хутор отправишься ты, Антанас, и ты, Паулюс.

— Так точно, тамста! — почти одновременно отчеканили молодые люди.

— Ты, Гинтарас, тоже собирайся, — командир взглянул на длинноволосого, который вместо ответа странно подмигнул пустоте перед собой, — Я пойду с вами, лагерь оставлю на Воробья, он солдат опытный, знает, что к чему. Лесные пташки только что напели мне об этом доме и его хозяине. Замкнутый тип, себе на уме, с соседями почти не общается, в город часто ездит. Говорят, до войны в «красном» штабе побывал, да с русскими шептался на базаре. Вот и хочу уточнить, не работает ли этот мужичек на коммуняк, как это было с водителем автобуса из Гарлявы, помните? Чует моё сердце, что на том хуторе я буду нужен больше, чем сейчас здесь. Судя по карте, идти нам по лесу около трёх-четырёх

километров. Придется переправляться через болото. Если не станем тянуть, и сразу тронемся, до полудня будем на месте. Антанас, Паулюс, сбегайте в палатку, возьмите автоматы, и приведите сюда детей. Ты, Юозас, захвати охотничий обрез. И поспешите! Гинтарас, пистолет при тебе?

Длинноволосый вместо ответа похлопал себя по животу. Юозас хмыкнул:

— Ты что же, и дрова с ним колол? Эх, Гинтарас, сколько раз тебе говорить, пистолет нужно держать в кобуре, а не за поясом под рубашкой прятать. Ведь отстрелишь себе там что-нибудь, а парень ты ещё молодой, бездетный. Посмотри, как удобно носить, — Юозас подёргал за ремень кобуры, перекинутый через плечо. — И доставать проще, чем каждый раз к себе в штаны лазить. Да, надеюсь, топор в этот раз брать не будешь? Или опять бойню устроить собрался?

— Пусть берет, это его талисман, хоть и кровавый, — усмехнулся Седой.

Ведя детей, к столу подошли Антанас и Паулюс, с висящими на шеях трофейными немецкими автоматами. Только сейчас Альбина заметила, как эти двое похожи друг на друга. Обоим лет по двадцать пять, одинаковая, выцветшая на солнце военная форма, золотистые, аккуратно зачёсанные на пробор, волосы, крепкое телосложение и написанное на лицах стремление беспрекословно выполнить любой приказ главнокомандующего, делали братьев похожими на близнецов.

— Тамста, разрешите спросить, — Юозас посмотрел на командира, — Зачем тащить через болото столько тяжёлого оружия? Ведь обычно обходились пистолетами. Неужели всё это нужно, чтобы потолковать с простым хуторянином? Там же, кроме детей, больше нет никого.

— Может, и нет там никого, — Седой задумчиво взглянул на Альбину с Бронюсом, — А может, и есть. Видели мы и таких крестьян, которые не то что родине помочь, а горло готовы перегрызть за ведро своей гнилой картошки. Да ты и сам говорил, ружьишко у них на стене висит, мало ли что. Очень уж там красным пахнет. Та ещё публика. Ну, всё, хватит болтать! За дело, литовцы!

Глава 5. Седой

Передав временное командование лагерем Воробью, — здоровенному парню в рабочей спецовке, — Седой повел маленький отряд в сторону хутора Бальчунасов. Впрочем, вели этих вооруженных мужчин Альбина с Бронюсом. Ребята хорошо знали здешние места, поэтому через болото переправлялись довольно уверенно. Чтобы не попасть в трясины, шли цепочкой, след в след. За детьми шёл Седой, молча поглядывая на них холодными глазами. Альбина, бредущая перед ним по болотной грязи, всей спиной ощущала ледяной взгляд партизанского командира. Девочка старалась сосредоточиться на брате, который, тщательно проверяя палкой почву перед собой, шагал впереди отряда. Девочка чувствовала какую-то внутреннюю неприязнь к Седому, хотя не смогла бы объяснить причину этой неприязни.

Много лет назад, когда Седой был еще совсем молодым офицером, он поклялся служить на благо свободы Литвы.

Ещё в начале двадцатых годов Седой с единомышленниками-офицерами, участвовал в арестах и допросах людей, «создающих опасность для законного правительства страны и поддерживающих развитие преступной идеологии коммунизма», — такая формулировка часто присутствовала в протоколах уголовных дел тех лет.

Коммунисты сразу стали для Седого кровными врагами.

Он не только всей душой ненавидел их замыслы, предвидя в них полное уничтожение Литвы, как государства, но и испытывал личное отвращение, какое обычно испытывает горожанин к грязному, дурно пахнущему домашнему скоту. В тридцатые годы, уже в звании старшего лейтенанта, Седой уверенно поддержал Адольфа Гитлера, — немецкий канцлер был ярым противником ненавистного Седому советского режима. Но через несколько лет Седой разочаровался и в Гитлере. Нет, безумная теория фюрера о высшем арийском обществе, отношение нацистов к евреям, уничтожение культурного наследия, и другие преступные деяния нацистов, — всё это мало беспокоило Седого. Единственное, что его действительно волновало, было сохранение Литвы, как свободного государства, независимого и от немцев, и от Советов.

С началом советской оккупации 1940 года Седой под чужой фамилией поселился в деревне неподалёку от Паневежиса, и начал свою борьбу с «красными». Через год он проявил себя храбрым солдатом, бесстрашно сражаясь и против гитлеровской, и против сталинской армии. Но, сообразив, что бороться по законам войны с такими китами, как Германия и СССР, бессмысленно и глупо, ушёл в подполье, создав партизанский отряд из самых рьяных литовских патриотов. Седой быстро снискал авторитет среди участников сопротивления. Он не отсиживался в лесах, не прятался за спинами подчиненных, и самолично участвовал в вылазках против гитлеровцев. Во время одной из диверсий на желез-

ной дороге под Каунасом он был ранен, и попал в немецкий плен, откуда сбежал перед самым расстрелом. Ближе к концу войны, он опять попал в плен, но теперь уже к русским, — его схватили по анонимному доносу, — но и тогда ему удалось бежать.

В 1944 году, когда Москва торжественно объявила о бесповоротном возвращении советской власти в Литву, Седой, понимая, что ему грозит, мог выехать в Западную Европу по поддельному паспорту, но в последний момент передумал. Нет, он не боялся быть схваченным на границе, да и к смерти относился без страха. Смерть была для него не более чем преградой, способной помешать ему завершить начатое дело. Причина остаться в Литве была лишь одна: Седой принадлежал тому редчайшему типу людей, что не бегут из своей страны, когда она находится под гнетом врага, даже осознавая, что силы неравны. Что же касается его ранней седины и морщин, многие молодые литовцы, которым в те страшные для их родины времена посчастливилось остаться в живых, постарели намного раньше, чем было им отпущено природой.

Глава 6. Юозас

Вслед за Седым, стараясь наступать в оставляемый в болотной жиже след от сапог командира, шел Юозас. В отличие от большинства партизан, молодой человек не всегда был предан идеям литовской независимости. Ещё до войны, он, студент юридического факультета, примкнул к «красным», — тогда его назначили курьером в один из штабов. Юозас прошел военную подготовку и стал солдатом Красной армии. Через несколько лет он сожалел об этом этапе своей недолгой жизни, но тогда, в 1940 году, ему, двадцатидвухлетнему идеалисту, казалось, что единственным спасением балтийских государств от исчезновения было их присоединение к СССР. Словно безумец, с подростковых лет бредя мечтами о «светлом будущем мирового коммунизма», Юозас всей душой верил, что при советской власти каждый человек на планете заживёт, словно в сказке. Каким же болезненным было «исцеление», когда однажды он осознал холодную реальность, — и тогда Юозас увидел себя не героем, готовым пожертвовать жизнью за свои убеждения, а никчемным предателем родины.

Но даже после «озарения», уже оказавших в рядах литовских партизан, Юозас не изменил своим главным принципам. В отличие от большинства тех, кого привычно именуют патриотами, молодой человек считал, что интересы каждо-

го гражданина должны учитываться ничуть не меньше, чем интересы государства в целом, с чем часто были не согласны его братья по оружию. Ещё будучи беззаботным прыщавым гимназистом, парень навсегда запомнил слова отца, служащего еврейской адвокатской конторы в Каунасе, у дверей которой он в 1941 году отец и был расстрелян немцами вместе с женой.

— Взгляды любой действующей власти напоминают весеннюю погоду — меняются с невероятным постоянством, а потому не стоит им доверять, — говорил отец. — То, что вчера было правильным, сегодня высмеивается и презирается лишь для того, чтобы завтра снова получить статус святыни. Неизменна только человеческая сущность, и ничто не может быть ценнее её. Оберегай людей в целом и каждого по отдельности!

Когда пришли гитлеровцы, Юозас несколько раз вытаскивал боевых товарищей-комсомольцев из-под пуль врага, получил два ранения, и даже был приставлен к награде. Выписавшись из госпиталя, и ещё окончательно не оправившись от увечий, он опять отправился на фронт, — слишком сильно терзала душу ненависть к немецким оккупантам. Никогда не стыдящийся своих еврейских корней, Юозас не мог простить зверств нацистов в его родном Каунасе, где была организована целая система истребления «представителей национальностей, не имеющих право на существование», — именно так позже, перед тем, как его расстреляли, выразил-

ся один офицер СС.

Всю войну Юозас громил немцев в рядах Красной армии, считая слухами истории о кровавых «подвигах» своих сослуживцев из других отрядов, которые, вроде, грабили и сжигали вместе с жителями целые литовские деревни.

В 1944 году, во время отступления гитлеровцев, Юозас горячо благодарил командира дивизии за помощь при освобождении Вильнюса от гитлеровцев. Но уже через несколько дней, сообразив, что уготовано Литве его «красными» соратниками, и убедившись, что советский террор по сути ничем не отличается от немецкого, Юозас разуверился в своей «религии», и не пожелал признавать власть коммунистов. Кто-то написал на него донос, бывшего советского солдата обвинили в предательстве советской идеологии, и без всякого суда отправили в ссылку. По дороге, когда поезд ещё ехал по Литве, Юозас и несколько его сообщников зарезали конвоиров, и сбежали вместе с другими арестантами, среди которых было немало отпетых уголовников. Некоторые из беглецов, как и Юозас, примкнули к партизанам, тогда это считалось обычным делом. Только одни шли на это ради будущего своей родины, а другие — ради возможности безнаказанно грабить и убивать, прикрываясь идеями о свободе.

В те непростые времена в рядах литовских повстанцев частенько оказывались люди, многие из которых в годы войны служили в Красной армии, или носили форму немецких полицейав. В основном это были молодые литовцы, купившиеся

на вражескую пропаганду и наивно верящие, что режим, которому они служат, способен помочь их стране стать лучше. Разница была лишь в том, какой из режимов, сталинский или гитлеровский, они выбирали для себя. Со временем к этим парням нередко приходило осознание того, что по глупости и неопытности они стали предателями своего народа, после чего многие из них, раскаявшись, пытались присоединиться к «лесным братьям», чтобы кровью смыть грехи перед Отчизной.

Когда Юозас, ничего не скрывая, поведал партизанам о своем «красном» прошлом, среди них нашлись и такие, что предлагали командиру расстрелять его за измену. Но Седой рассудил, что расстрелять Юозаса он всегда успеет, и для начала решил проверить новичка. Уже с первых дней в отряде тот с таким рвением принялся совершать налёты на остатки немецких «контор», и на приходящие им на смену советские учреждения, что ему поверили все, — и Седой, и партизаны. Последние сомнения развеялись, когда во время очередного нападения на русский военный штаб, Юозас в одиночку застрелил полковника и троих рядовых, заодно похитив важные документы.

Несмотря на храбрость и решительность в боях, молодой человек нередко проявлял гуманное отношение к пленным, призывая к этому и других. Сказывались воспитание и интеллигентность, привитые родителями с детства. Он никогда не поддерживал пытки, грабежи и убийства, без которых

ещё не обходилась ни одна война в истории, а ведя разговор, смело высказывал свои мысли вслух, кем бы ни был его собеседник. Разумеется, всё это часто не находило понимания в отряде и, несмотря на заслуги молодого бойца, партизаны продолжали относиться к нему с некоторой осторожностью и даже насмешкой.

Глава 7. Антанас и Паулюс

Вслед за Юозасом по болоту шли двадцатилетний Антанас и его младший брат Паулюс. Разница в возрасте у них была в два года, но внешне они были так схожи, что напоминали близнецов. Выросли братья в зажиточной крестьянской семье, на хуторе недалеко от Мариямполье. Когда в 1940 году сталинская армия вторглась в Литву, по какой-то счастливой случайности «красный террор» не затронул их местность, хотя по всей округе на всех заборах висели плакаты, призывавшие крестьян к национализации имущества и земли.

На всякий случай, парни приготовили два охотничьих ружья, решив дорого отдать свои жизни в случае захвата хутора коммунистами, но никто из «красных» на их хуторе ак и не появился. Правда, отца несколько раз вызывали в сельсовет, задавали вопросы насчёт мнения о новой власти, но этим дело и ограничивалось. А летом 1941 года гитлеровские войска пересекли границы СССР, начав кровавое шествие с Литвы. Не ожидавшая от «союзника» такого вероломства, Красная Армия быстро отступила под их натиском.

Антанас и Паулюс от природы были сильны, исполнительны, смелы, но не слишком сообразительны, поэтому поначалу обрадовались бегству красноармейцев. Однако, увидев добрый десяток эшелонов с платформами, заставленными

танками и орудиями со свастикой, братья смекнули, что земля опять под сапогами чужаков, — только на этот раз не русских, а немецких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.